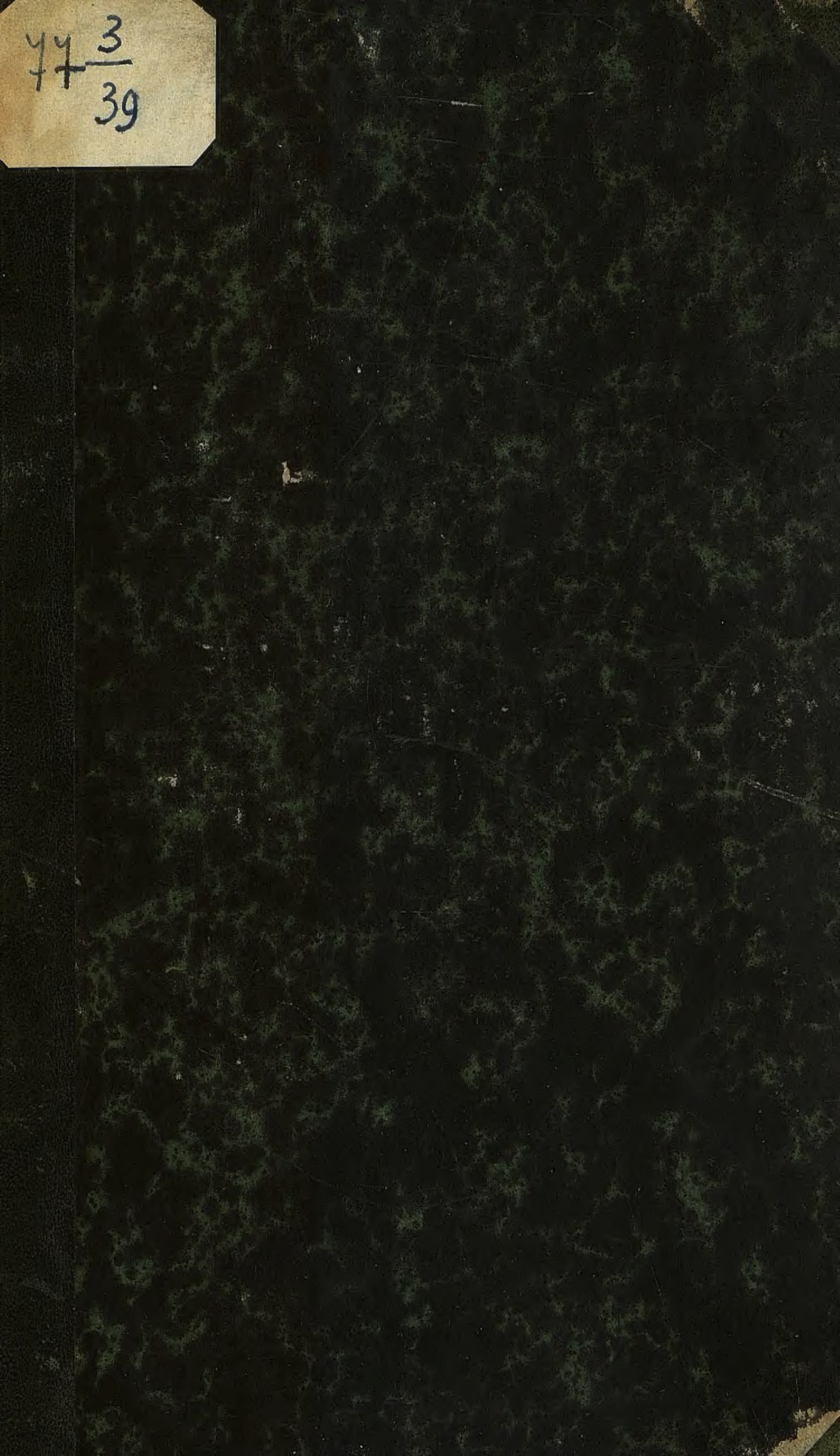

ИЗБРАННЫЯ ЧЕРТЫ

ДОСТОПАМЯТНѢЙШИХЪ ИЗРѢЧЕНІЙ

И

АНЕКДОТЫ

АВГУСТѢЙШАГО ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА Iго,

МИРОТВОРЦА ЕВРОПЫ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1827.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, три для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Іюня 2 дня, 1827 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣт

ИЗБРАННЫЯ ЧЕРТЫ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ

ИЗРѢЧЕНІЙ И АНЕКДОТЫ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго.

РѢЧИ И СТИХОТВОРЕНІЯ

НА КОНЧИНУ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго (*).

Въ память незабвеннаго Монарха Александра Iго 2го Декабря 1825 года произнесенная Професоромъ Бушырскимъ.

Какая ужасная вѣсть поразила наши сердца на прошедшей недѣлѣ! Облеклась въ ризу печали Церковь Христова: не стало Царя Благочестивѣйшаго. Очи наши превратились въ неизсякаемые источники слезъ; тысячи голосовъ соединились въ одно

(*) См. жизнь ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго Ч. I.

душу раздирающее восклицаніе : *Горе намъ! не стало Отца чадолюбивѣйшаго!* Вся Европа, услыша о незапной кончинѣ АЛЕКСАНДРА I^го^, тяжко возстенаетъ : ибо не завоеватель, алкавшій крови ближнихъ, испустилъ духъ, но Возстановитель падшихъ престоловъ отшелъ къ вѣчному покою.

Пѣвцы, онѣмѣвшіе среди народнаго вопля! Возвысьте ваше пѣніе, ударьте въ звонкія гусли! Да пронесется хвала ваша, хотя и слабая, но чуждая лести, хотя не изящная, но усердная, отъ веси до веси, отъ града до града, изъ рода въ родъ, и постепенно возрастая въ силѣ, подобно камню, руками дѣтей съ высочайшей горы въ глубокую долину пущенному, да раздастся въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ, и да изумитъ позднѣйшихъ потомковъ примѣромъ неслыханной добродѣтели.

Величественная, утѣшительная картина представляется мысленнымъ взорамъ нашимъ въ будущемъ: мы уже созерцаемъ опочившаго Вѣнценосца въ немерцающихъ лучахъ истинной славы, въ ряду съ ПЕТРОМЪ, съ ЕКАТЕРИНОЮ Великими.

Но что видимъ, что слышимъ нынѣ, сыны Россіи? Плачь въ кругу семействъ,

плачь на стогнахъ, плачь у алтарей; рыдаютъ осыпанные дарами щастія, блуждая по обширнымъ, златомъ сіяющимъ чертогамъ; рыдаютъ убогіе, едва рубищемъ покрытые, гдѣ главу приклонить неимущіе.— И что же виною повсемѣстнаго сѣтованія и всеобщей скорби? Полководецъ ли палъ, пронзенный стрѣлою въ рѣшительную минуту битвы, и побѣда исторгнута изъ рукъ неумолимымъ рокомъ, и лютый врагъ грозя взорами, потрясая смраднымъ пламенникомъ, занося широкій мечь, готовъ ринуться въ нѣдра Отечества? Но Россія далеко раздвинула предѣлы свои; Россія торжествуетъ на Югѣ, на Сѣверѣ, на Западѣ и Востокѣ. Ежели и шипитъ еще злоба, то шипитъ въ мрачномъ, недосягаемомъ ущеліи, не дерзая выставить тлетворныя жала свои. Опасаемся ли сиротства и смятенія междуцарствія? Но мы имѣемъ залогъ въ Августѣйшей Матери и въ Августѣйшей Супругѣ усопшаго Престолоначальника, который, отходя, оставилъ намъ Ихъ какъ бы свѣтоносною радугою; перстъ Вышняго уже указалъ намъ Монарха, и мы, оплакивая горькую, невозвратимую потерю, твердо уповаемъ въ душѣ, что почивающій въ Богѣ Вѣнценосецъ не взялъ съ собою на-

шего устроеннаго Имъ благоденствія, но пробавить оное въ достойнѣйшемъ Преемникѣ, возлюбленномъ своемъ Братѣ, заблаговремянно приобыкшемъ владѣть кормиломъ правленія. — То доказывается удивительнымъ успѣхомъ, съ какимъ Его Величество Державу, чрезъ нѣсколько столѣтій непріязненную, въ краткое время содѣлалъ дружественною.

Мы плачемъ и рыдаемъ потому, что Александръ I^й былъ утѣшеніемъ нашимъ, Монархъ по сердцу; потому что со дня вѣнчанія Его на Царство Духъ Господень носился надъ Его главою; потому что Онъ, какъ Давидъ, былъ прекрасенъ, добръ очами и благъ Господеви; потому что съ именемъ Его приобыкли мы сопрягать благословеніе Божіе. Подобно Моисею, освободилъ Онъ народъ свой отъ работы Египетской, какою грозилъ ему врагъ надменный; подобно Моисею, источалъ воду и низводилъ манну: ибо поилъ и питалъ многія области, томимыя жаждою и гладомъ. Но какъ Моисей, проведши Израильтянъ сквозь Чермное море и чрезъ палящія степи Аравійскія, не узрѣлъ земли обѣтованной: такъ высокій Зиждитель нашего благоденствія не насладился вполнѣ плодами толикихъ,

силы человѣческія превосходящихъ, подвиговъ своихъ, подвиговъ премудраго Царя, искуснѣйшаго вождя, глубокаго политика. Истинно Пророческимъ гласомъ воззвалъ Архипастырь, почти за двадцать пять лѣтъ, изливая на юнаго Престола Наслѣдника елей помазанія: «Вселюбезнѣйшій Государь! Сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ; сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе; сія держава есть наша безопасность; но Твое попеченіе; сія порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе; вся сія утварь Царская есть наше утѣшеніе: но Тебѣ бремя.»

Давно ли волны Океана, подобно тьмочисленнымъ горамъ, угрожали изгладить съ лица земли священный градъ Петра? Солнце не совершило еще половины годичнаго круга, и по манію нашего Ангела-Хранителя слѣды опустошенія изчезли, и престольный градъ сей обновился, процвѣлъ, возникъ, какъ фениксъ изъ пепла.

Сего одного бѣдствія недоставало, чтобы явить намъ Цезаря нашего во свѣтѣ преестественномъ. Мы видѣли, собственными своими глазами видѣли, какъ величайшій изъ Монарховъ, герой девятнадцатаго столѣтія, склонялъ вѣнчанную главу свою

лаврами и оливами осѣненную, къ страждущимъ простолюдинамъ; державными руками своими сжималъ оледенѣлыя руки убогихъ и согрѣвалъ ихъ своимъ дыханіемъ. О! Ежели когда сей вторый Генрихъ заслужилъ гражданскій, ни съ кѣмъ нераздѣленный, вѣнецъ: то въ сію годину искушенія.

Померкло животворящее наше солнце, какъ бы невидимою рукою, среди полнаго сіянія, съ чистаго небеснаго свода незапно похищенное, дабы никогда уже не согрѣвать и не радовать насъ своими лучами. Отраденъ былъ восходъ его; величественъ полдень: неисповѣдимому Промыслу угодно было, что бы мы не дождались его заката.— Пѣвцы! ударьте въ звонкія гусли; или нѣтъ: пусть струны ихъ, потоками слезъ омоченныя, издадутъ унылые, погребальные звуки.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

В Ъ Б О З Ѣ П О Ч И В Ш А Г О

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,

П Р О И З Н Е С Е Н Н А Я

въ церкви Инженернаго Замка Священникомъ Алексѣемъ Маловымъ 1825 года Декабря 12 числа.

Давно ли сей день былъ днемъ торжества, празднествъ и священнѣйшаго радованія? Давно ли Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ отечественный срѣтали и провождали оный съ сердечнымъ веселіемъ и съ душевными восторгами? Давно ли не Россіяне точію, но и множайшіе изъ племенъ чужеземныхъ колѣнопреклонялись въ день сей предъ престоломъ Царя Царей, и съ братскимъ истиннымъ единодушіемъ молили Его о благоденствіи Царя, именемъ и духомъ Его царствовавшаго? А нынѣ! . . . О Россіяне, Россіяне! Какою скорбію, какими мра-

ками и какимъ всеобщимъ уныніемъ облекся день сей, нѣкогда свѣтоносный и царственный? Какія пѣсни поетъ нынѣ Церковь, толико прежде веселившаяся и ликовствовавшая; какой хладъ, какая убійственная мертвенность водворилась теперь въ сердцахъ, прежде толико жаркихъ? И во храмахъ Божіихъ, и въ чертогахъ Царскихъ, и по градамъ и по весямъ, вездѣ и всюду слышатся точію вопли и болѣзненныя стенанія.

Господи, Господи! Почто толико внезапно Ты всемірное веселіе превратилъ во всемірныя рыданія? Почто такъ неожиданно Ты восхитилъ отъ насъ благословеннаго Отца Отечества? Почто, возведя сіе лучезарное солнце до его полудня, Ты омрачилъ его ужасами смерти въ самую среду его полноты и велелѣпнаго блистанія? Почто веселя и покоя подъ его благотворнымъ сіяніемъ несчетные сонмы сыновъ и дщерей Твоихъ, Ты толь преждевременно приближилъ его къ закату? Почто такъ рано Ты воспріялъ въ свои селенія сего Ангела мира и неизрѣченной благости? Не всѣ ли мы, не съ одинакимъ ли усердіемъ, не съ одинакою ли пламенностію умоляли Тебя: да кротчайшему Монарху нашему Ты приложиши дни на дни,

и лѣта на лѣта? Не изъ глубины ли душъ нашихъ неслись къ Тебѣ моленія: да первенецъ отъ помазанныхъ Твоихъ царствуетъ надъ нами до лѣтъ Авраамовыхъ и Іаковлевыхъ? Не изъ сердецъ ли нашихъ парили къ Тебѣ прошенія: да о Его достославномъ имени живемъ и благоденствуемъ не мы точію, но и наши чада, и чада чадъ нашихъ? Но Ты не внялъ нашимъ моленіямъ, Ты не призрилъ во благоволеніи на наши прошенія — и краса Царей земныхъ сѣдитъ уже не на Престолѣ отечественномъ, но во свѣтлостяхъ святыхъ Твоихъ.

Всеблагій! уже ли Ты судилъ насъ быть недостойными того блаженства и радостей, которыми дарилъ насъ сей ГОСУДАРЬ, Тобою вѣнчанный и превознесенный? Уже ли узрѣлъ Ты, что величаясь славою громкихъ безсмертныхъ чудныхъ дѣяній Его, мы начинали уже нерадѣть о Твоей славѣ вѣчной и немерцающей? Или радости сыновъ земли Тебѣ противны, и Ты восхотѣлъ, да отъ лица грѣшниковъ къ Тебѣ возлетаютъ не гласы веселія, но клики воплей и стенанія? Или Ты преселилъ Его на горняя для того, что въ 25 лѣтнее незабвенное Его владычествованіе мы еще не научились довольно разумѣть великость величайшей души Его,

и Ты въ обличеніе нашего невѣжества приобщилъ Его къ небожителямъ: да они, а не мы неблагодарные, о немъ веселятся и услаждаются?

Царь Царей нашихъ и Царь вселенныя! Сотвори съ нами по вѣрѣ сей; сотвори, да красуясь именемъ АЛЕКСАНДРА, мы величаемся именемъ ЕГО Преемника; сотвори, да всѣ племена и языки вѣдаютъ, что Ты посѣтилъ насъ гнѣвомъ своимъ точію для того: да тѣмъ явственнѣе удивишь надъ нами Твою любовь и Твои милости великія и безприкладныя.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПРЕНЕСЕНІЯ

ЧРЕЗЪ МОСКВУ ТѢЛА

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

ВСЕЯ РОССІИ.

(Говоренное въ Каѳедральномъ Архангельскомъ Соборѣ Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Архіепискспомъ Московскимъ Февраля 4 дня 1826 года).

Подобенъ ему не бысть предъ нимъ Царь, иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею — обаче не отвратися Господь отъ ярости гнѣва своего великаго. 4 *Цар.* XXIII, 25, 26.

О Боже! Такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой? Царь не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи Царь; Царь, который *сотвори правое предъ очима Господнима* (4 Цар. XXII. 2); Царь, который

старался не только подвластную ему Іудею, но и всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія и просвѣтить богослуженіемъ истиннымъ; который, какъ скоро узналъ Книгу Закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа, и съ тѣхъ поръ не преставалъ быть ея ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, проповѣдникомъ; такой Царь, съ такимъ сердцемъ и душею, не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго, но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самаго Царя — Іосіи. О Боже! такъ ли неумолимъ гнѣвъ Твой?

Не такой ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне? Ибо что значитъ сія, не угрожавшая намъ, но уже дѣйствительная кончина сего по истиннѣ благочестивѣйшаго Царя, — кончина, которой ни лѣта Его не призывали, ни силы по видимому не допускали, ни самая болѣзнь въ началѣ своемъ не предвѣщала? Не то ли сіе значитъ: что Богъ нами прогнѣванъ, и *не отвратися Господь отъ ярости гнѣва своего великаго?*

Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ Царѣ своемъ Іосіи:

не позналь, когда имѣлъ, и не возпользовался симъ сокровищемъ: *весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. И Іеремїа возрыда по Іосіи. И глаголаша вси Князи и Княгини плачь по Іосїи* (2 Пар. xxv, 24, 25.). Ахъ! Поздно большая часть изъ нихъ плакали по Іосіи, вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ и смирялось предъ грознымъ судомъ Божіимъ, когда онъ плакалъ предъ Богомъ, и былъ услышанъ: Іеремія безъ сомнѣнія лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали*; онъ рыдалъ удвоеннымъ плачемъ: о лишеніи Царя, и плачемъ о позднемъ плачѣ народа.

Народы, которымъ Богъ въ день благоволенія своего даровалъ благословеннаго АЛЕКСАНДРА (ибо народамъ былъ Онъ отъ Бога дарованъ, а не одному народу Россійскому)! Народы! познали ль вы цѣну, всю цѣну сего сокровища? Упрочили ль для себя всю пользу, которою могло оно васъ обогатить? Какое Пророческое слово можетъ отвѣтствовать на сіе? Время будетъ на сіе отвѣтствовать событіями. Вѣнчанный, владычествующій временами да речетъ миръ на Преемника могущества и добродѣтелей

Александра, дабы возобновился и не умолкалъ *гласъ радости и спасенія въ селеніяхъ праведныхъ!*

Но намъ теперь говорить ли о великомъ сокровищѣ? Оплакивать ли великую потерю? Говорить ли отъ избытка сердца печальнаго? Или молчать отъ недостатка слова достойнаго? Дайте мнѣ слово, или научите меня молчанію. Не умѣю говорить, и безмолвствовать не умѣю, отрекаюсь отъ необъятнаго подвига хвалить Александра, уже благословеннаго: но нельзя удержаться отъ печальнаго предъ церковію размышленія и слова о Царѣ, который, подобно какъ Іосія, достоинъ, чтобъ по немъ рыдали Пророки.

Представьте себѣ человѣка, который стоитъ надъ потокомъ и видитъ, какъ его сокровище низвергается въ глубину. Касаясь водъ, оно производитъ звукъ и раждаетъ круги, одинъ другаго пространнѣйшіе: но въ то же мгновеніе скрывается въ глубинѣ, и только трепетаніе водъ остается примѣтнымъ зрителю. Подобно сему кто можетъ созерцать, пусть станетъ теперь надъ потокомъ временъ, надъ водами народовъ, какъ изъясняется языкъ Пророческій. Смотри, какъ драгоцѣнная жизнь явилась,

подвигла своею силою народы, наполнила своею дѣятельностію многочисленные круги, одинъ другаго пространнѣйшіе, произвела громкіе звуки славы: но вдругъ она погрузилась въ вѣчность, и одно трепетное движеніе грозной нечаянности простерлось по всѣмъ извѣстнымъ народамъ.

Александръ, еще въ колыбели, радость и надежда Отечества, — Александръ въ порфирородномъ семействѣ, утѣха и любовь— Александръ въ началѣ вѣка на Престолѣ, какъ солнце на востокѣ, — Александръ въ Россіи Отецъ народа, Спаситель Имперіи,— Александръ въ Европѣ, возстановитель Царей, примиритель Царствъ, душа царственныхъ Совѣтовъ Европы,—Александръ въ царствіи Божіемъ, избранное орудіе Царя Христа, чтобы торжественно утѣшить и возвеличить Христіанство тамъ, гдѣ оно торжественно было цѣлымъ народомъ отвержено и поругано, плотоносный Архистратигъ небесныхъ на землѣ силъ, побѣждающій небеснымъ оружіемъ, кровію Агнца, кротостію и смиреніемъ: — какіе свѣтлые виды, какіе величественные образы! Но какъ внезапно всѣ они закрываются одною мрачною чертою: Александръ во гробѣ!

Если въ области природы есть предзнаменованія и предчувствія необыкновеннаго и великаго, подобно какъ въ высшей области духа, прообразованія и пророчества: жизнь АЛЕКСАНДРА многократно была оными ознаменована.

Что значитъ, что Его рожденіе было въ день, когда удаленное отъ насъ солнце обращается къ намъ со своимъ свѣтомъ, а вступленіе на Престолъ Имперіи въ то время, когда солнце, увеличивъ свѣтъ до равновѣсія со тьмою, начинаетъ для нашихъ странъ весну, время развитія и оживленія земной природы?—Такъ случилось? Покойный отвѣтъ для людей, которые трудъ разсуждать почитаютъ излишнимъ, и боятся, чтобы не узнать чего необыкновеннаго, или чтобы не встрѣтиться съ Провидѣніемъ! Не такъ ничтожны знаменія временъ для мудраго, который знаетъ, что *въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго на время воздвигнетъ на ней* (Сир. гл. X. ст. 4.). Святый Амвросій Медіоланскій, даже говоря о Рождествѣ Спасителя, столь обильномъ знаменіями чудесными, не оставляетъ безъ замѣчанія и сего естественнаго знаменія времени, что *съ*

Рождествомъ Христовымъ день возрастаетъ (Слов. на Р. Х.).

Что значила необыкновенно живая радость, о которой еще можешь вопросить старцевъ твоихъ, Россія, и рекутъ,— необыкновенно, говорю, живая радость народа при рожденіи АЛЕКСАНДРА, когда родившійся младенецъ былъ только еще Наслѣдникъ Наслѣдника? Что и сіе значило, что когда внуки, какъ новосажденія масличныя, окружали ВЕЛИКУЮ ЕКАТЕРИНУ, всѣ прекрасны душею, всѣ возлюбленны, — АЛЕКСАНДРЪ преимущественно былъ Ея восхищеніемъ? Что значилъ восторгъ Россіи, когда она увидѣла АЛЕКСАНДРА на Престолѣ?—Опытъ даетъ право сказать, что то были великія предчувствія Великой ИМПЕРАТРИЦЫ и Имперіи.

Сообразно съ знаменіями временъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ царствованія АЛЕКСАНДРОВА было стараніе умножить свѣтъ въ Сѣверѣ, Ему подвластномъ. Учрежденія для просвѣщенія народа умножены, ограждены постановленіями, расположены въ правильныхъ кругахъ, приведены къ общему средоточію, находящемуся близъ самаго Пре-

стола, украшены новыми предметами знаній, обогащены способами, возвышены въ правахъ, какъ для сообщающихъ, такъ и для пріемлющихъ просвѣщеніе. Какъ распространялся отъ сего свѣтъ, и сколько былъ онъ благотворенъ, пусть усматриваютъ и опредѣляютъ просвѣщенные. Царское дѣло: создать обители просвѣщенія прочно и благолѣпно, и покрыть Своимъ Высокимъ покровительствомъ, а не преподавать ученіе, или руководствовать юношей.

Но особенное время, на которое *Имѣющій въ рукѣ Своей власть земли*, какъ необходимо *потребнаго*, *воздвигъ* АЛЕКСАНДРА, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы. Буря мятежа разрушила и Престолъ Царя и Алтари Христовы у народа, который дотолѣ, повидимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ; и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ Престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, и который наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что, если бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей *излишній* на земли, — что, если бы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Что было бы съ народами, которые, со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія и увѣличивали силу поработителя, и которымъ онъ не хотѣлъ оставить другой безопасности, какъ войти въ порабощеніе, ни другой чести, какъ быть орудіями порабощенія? Что было бы съ священнымъ Царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный Царь оскорблялъ сугубо: и униженіемъ Порфирородныхъ, и возвышеніемъ непорфирородныхъ? Что было бы съ народнымъ духомъ, что было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе никакихъ границъ не уважавшаго властителя, непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина ему ласкательствовать, знанія изобрѣтать только средства для его цѣлей, искусства производить ему памятники его славы, или размножать его идола? Чего надлежало ждать и Христіанскому

Богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ алтарь Христовъ, а другою гораздо съ большимъ усиліемъ созидалъ Синагогу Христоубійственнаго народа? Что было бы съ землею, столь много бѣдствующею и еще болѣе угрожаемою?

Какая бездна золъ открывается при семъ размышленіи! Потому какое безпредѣльное благодѣяніе *Имѣющаго въ руцѣ Своей власть земли*, что воздвигъ на ней АЛЕКСАНДРА, дабы заключить сію бездну? Чѣмъ бѣдственнѣе и ужаснѣе то, что было и было бы безъ Него: тѣмъ величественнѣе и благотворнѣе то, что чрезъ Него послѣдовало.

Богъ, Который воздвигъ АЛЕКСАНДРА на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ Его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя, даже безъ несправедливой кому-либо укоризны, можно сказать, адскимъ оружіямъ небесныя, хитрости правду, дерзости твердость и терпѣніе, надменно-

сти кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія упованіе на помощь и провидѣніе Божіе. И что же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи; невольнымъ поклонникамъ его дана свобода выйти изъ заблужденія; союзомъ названные оковы многихъ Царствъ распались. АЛЕКСАНДРЪ съ побѣдою въ столицѣ враговъ, разрушившихъ тебя, возрожденная потомъ Столица АЛЕКСАНДРА, и наказуетъ ихъ наказаніемъ *праведника — милостію* (Псал. CXL. 5,): ни къ чему не прикасается, ничего не требуетъ; не показываетъ и не принимаетъ славы побѣдителя; даритъ имъ плѣнныхъ; воздаетъ Христіанскую честь ихъ Царю—мученику; даетъ имъ безопасность провозгласить изгнаннаго Царя, и возстановить законный, но давно разрушенный, Престолъ. Какая необыкновенная побѣда надъ врагами! И поелику столь высокая побѣда ни на минуту не подвигла духа АЛЕКСАНДРОВА съ глубокаго основанія смиренія: то какая еще болѣе необыкновенная побѣда надъ самою побѣдою!

И что еще! Слава побѣдъ, по правдѣ, предъ тѣмъ почти забытой, принесена Господу Силъ. Неукротимый дотолѣ духъ браней

связанъ. Союзамъ Царей и Царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти, АЛЕКСАНДРЪ, сильнымъ примѣромъ Своимъ, положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, словомъ, законъ Христіанскій. Несогласія народовъ или прекращены, или обезсилены. Крамолы если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшалъ мечь, уже разрѣшаются совѣтами. Многочисленное воинство АЛЕКСАНДРА стоитъ въ тишинѣ, какъ величественная стража мира, не только Россіи, но и Европы. Оградясь отъ враговъ внѣшнихъ, АЛЕКСАНДРЪ, по собственному Его изреченію, обращается противъ враговъ внутреннихъ: противъ неправосудія, неблагочинія, неблагочестія; какъ солнце, правильными шествіями, обходитъ землю, ему подвластную, повсюду являя всѣхъ одушевляющій взоръ благоволенія, примѣръ благоговѣнія къ Богу, дѣйствія правды и милости. Мы наслаждались безопасностію и покоемъ; ожидали и требовали блаженства:—увы! можетъ быть, слишкомъ нетерпѣливо и съ ропотомъ ожидали, не разсуждая о трудностяхъ, какія встрѣчаютъ созидающіе благо народовъ; — мо-

жетъ быть, несправедливо требовали, будучи недостойны блаженства, сами препятствуя созиданію онаго недостаткомъ чистой и послушливой ревности къ общему благу, истощая общее изобиліе нашею роскошію, затрудняя законы и дѣйствіе ихъ преумноженіемъ беззаконій : — и видѣлъ Господь, и прогнѣвался, *и не отвратися Господь отъ ярости гнѣва Своего великаго!*

Гдѣ сей новый Іосія, *иже обратися къ Господеви всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею силою своею?* Что принесло намъ величественное шествіе? Что нашло наше ревностное срѣтеніе? — Одно мертвенное оставшееся отъ безсмертнаго. *Да плачетъ* вновь *весь Іуда и Іерусалимъ*, весь народъ и Градъ престольный! *Да глаголютъ вси Князи и Княгини плачь! Да рыдаютъ* Служители Слова и таинствъ, рыданіемъ *Іеремѣинымъ*, или плачемъ Давидовымъ!

Слышу плачь пѣвца Израилева : *горы Гелвуйскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу? — *Яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. I. 21.),

жалуется пѣвецъ Израилевъ. Но сильные повергли щитъ, уступивъ сильнѣйшимъ въ брани: за что же негодовать на мѣсто, которое приняло ихъ въ паденіи? Пріиди, пѣвецъ скорби; я укажу тебѣ мѣсто, болѣе достойное негодованія: пріиди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ Главу Священную. Не малый щитъ немногихъ сильныхъ повerженъ тамо: великій щитъ благоденствія великой Имперіи, крѣпкій щитъ мира Европы, проникнутъ стрѣлою невидимою. Не Саулъ оставленный ищетъ тамо смерти, которая окружаетъ его: но Возлюбленный Давидъ ищетъ жизни для Возлюбленной болящей Супруги, а ни кѣмъ не подозрѣваемая смерть Его Самаго ищетъ: *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!*

Но тщетно и сіе негодованіе и, можетъ быть, дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. V. гл. 6.), и для насъ, и для оплакиваемаго нами: лучше молиться, нежели жаловаться.

Царю Царей! Ты воздвигъ Его на время; Ты воззвалъ Его къ вѣчности. Пріими то, что Ты даровалъ; не остави тѣхъ, которыхъ лишаешь; Ты *взялъ* сего Царя, *какъ праведнаго отъ лица неправды* (Исаіи гл. LVII, ст. 1.), когда она готовилась вновь разродиться отступленіемъ отъ Царей (ибо разрушителя крамолъ всемірныхъ надлежало устранить отъ тяжкой скорби видѣть ихъ отрасль, проникшую даже въ Отечество; умилосердися, Господи, возми сію неправду отъ лица оставшихся праведныхъ! Христе, животе нашъ! въ Тебѣ единомъ искалъ Онъ врачевства и жизни во дни болѣзни Своея: сподоби Его *истѣе Тебе причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего*, въ соборѣ Царей, вѣчно съ Тобою царствующихъ! Аминь.

—⁂—

ПЛАЧЬ НАДЪ ГРОБОМЪ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго,

И Ты, безсмертный, уже не живешь для насъ! И Ты, Благословенный, отнятъ у насъ смертію! Ктожъ на земли безсмертенъ? Крѣпкій ссѣченъ косою всеразрушительною; легкій орелъ опустилъ крыла свои, покрывавшія цѣлое полушаріе. Закрылись, закрылись на вѣки добрыя очи нашего Давида: и какой безотрадный узритъ въ нихъ отраду свою? Какой безутѣшный утѣху? Во дни брани, среди убійственныхъ громовъ и молній, свирѣпая хищница щадила Тебя, Помазанника Божія: во дни мира дерзнула похитить Тебя у самаго сердца Августѣйшей Твоей Супруги — Ангела, у самаго сердца твоего народа! Сей народъ, обожавшій Тебя, соорудилъ Тебѣ алтари въ сердцахъ своихъ: а Ты, мужъ божественный, скончался какъ человѣкъ! Церковь еще благословляла Тебя, какъ земножителя: а Ты уже былъ на небѣ,

и принималъ тамъ благословенія Церкви православной, привѣтствія срѣтавшихъ Тебя невидимыхъ силъ безплотныхъ!

О! Душа Твоя покоится нынѣ послѣ многотрудныхъ царственныхъ подвиговъ: но мы еще не умѣемъ успокоиться!

Еще хотѣли бы мы обратить для Тебя гробъ Твой въ новую колыбель жизни, освѣжить слезами нашими увядшее Твое сердце и скорбными кликами прощанія развязать уста Твои, связанныя смертію!

Въ вѣчныхъ селеніяхъ уже блаженствуешь Ты со Святыми порфироносными Твоими предками: но мы, не чувствуя Твоего блаженства, думаемъ только о сиротствѣ своемъ, думаемъ — и плачемъ. Какъ Россія, умноженная Тобою, стала яко вдовица, и приобыкшая къ торжествамъ, облеклась въ горесть! какъ Господь во гнѣвѣ Своемъ омрачилъ ее во свѣтѣ славы ея, и отнялъ крѣпкаго отъ среды ея, отнялъ отъ ней лѣпоту ея, разсыпалъ радость сердецъ нашихъ, обратилъ въ плачь веселіе наше! Разсыпалъ праздники наши и субботы, и побѣды наши, надежды наши скрылъ во гробѣ Твоемъ! Рыдай убо Россія, новый Сіонъ! изливай, яко воду, слезы твои! Отца Твоего не стало! Рыдай первопрестольная Столи-

ца, Москва, изъ праха и пепла вознесенная! ты, которая въ теченіи цѣлаго столѣтія зрѣла токмо жизнь и радость въ очахъ твоихъ Вѣнценосцевъ, имѣй нынѣ горестную отраду, зрѣть въ стѣнахъ своихъ прахъ Безсмертнаго! Старцы, юноши, и дѣвы! сѣтуйте въ градахъ, предградіяхъ и весяхъ: ибо спалъ вѣнецъ съ главы вашей! Рыдай великое семейство Европы: Примирителя и Спасителя твоего не стало! Рыдай человѣчество: друга твоего не стало! Геній просвѣщенія, геній добра и истины! плачь надъ гробомъ твоего любителя и покровителя! Пѣвцы! вамъ ли пѣть теперь? Еще свѣжа язва наша,— сердца сжаты, унылы! помедлитежъ бряцать въ струны, или издавайте одни только звуки тихіе, погребальные! Рѣзецъ и кисть! останьтесь въ покоѣ, и безмолвнаго Вѣнценосца почтите первою благоговѣйною жертвою — безмолвіемъ. О! Какое искусство, какое краснорѣчіе выразитъ печаль нашу! Безмолвствуй и ты, Витія! брось перо свое: теперь однѣ слезы витійствуютъ! . . . . Добрый Царь нашъ! Кто утѣшитъ насъ и тогда, когда окончается о Тебѣ время плача? И Тотъ, Кто данъ намъ вмѣсто Тебя утѣшителемъ, не скоро утѣшится въ общей невозвратной потерѣ.

О! да утѣшитъ Его Богъ нашъ, а насъ Имъ! Да любитъ Онъ насъ, какъ Ты, Царь-Отецъ, любилъ народъ Свой, и да узримъ въ Немъ продолженіе Твоего благословеннаго царствованія!

В. . . . . ій Хор. . . . . ій.

РѢЧЬ ФРАНЦИСКА ОБИНСКАГО.

И такъ мы воздали въ духѣ Христіанства долгъ благодарности нашей, долгъ болѣзненный для сердца! Всеобщая горесть, изъявленная при семъ печальномъ обрядѣ, очевидно показываетъ и великость утраты, и состояніе *не доли* нашей. Ударъ жестокій, утрата незабвенная! Да будутъ же воспоминанія объ АЛЕКСАНДРѢ крѣпительнымъ бальзамомъ для изнемогшихъ сердецъ нашихъ!

Объ АЛЕКСАНДРѢ! Сколько значеній въ семъ словѣ! Ангелъ мира,—такъ именовала Его изумленная, успокоенная Европа; Воскреситель народа, Благодѣтель,—такъ всѣ называемъ его мы, сыны Польши; Благословенный, — сіе имя въ изліяніи сердечномъ поднесъ Ему народъ, соединенный съ нами узами братства, имя, принадлежащее Ему тѣмъ справедливѣе, что отъ избытка скром-

ности, сей первой добродѣтели душъ высокихъ, Онъ только одинъ почиталъ Себя недостойнымъ его: въ Лѣтописяхъ міра оно уже имѣетъ одно значеніе съ Именемъ: АЛЕКСАНДРЪ. Сіе имя есть и будетъ солнцемъ: сколько бы ни усиливались мгновенно преходящія тучи затмить сіяніе лучезарнаго свѣтила; пытливое требованіе совершенства, Богу единому свойственнаго, сколько ни старалось бы отыскивать въ оно́мъ пятна: солнце тѣмъ не менѣе останется навсегда солнцемъ; привидѣвшіеся недостатки изчезнутъ, а свѣтъ не престанетъ изливаться изъ него яркими лучами.

Поляки! Кто же болѣе насъ испыталъ на себѣ дѣйствія лучей благотворныхъ? Потокъ бѣдствій столько разъ покрывалъ землю нашу, что напитанная слезами скорбей, она, казалось, была способною произращать единственно полынь и терніе. Лучь солнца остановился надъ нею: мало по малу зазеленѣли отечественныя нивы, дотолѣ унылыя и безплодныя; выросъ цвѣтъ надежды, прекраснѣйшій всѣхъ прежнихъ, насажденный рукою АЛЕКСАНДРА, подкрѣпляемый дыханіемъ попечительности великодушной, защищаемый дарованнымъ Уставомъ Царству. Оставалось ему обращаться всей лю-

бовію къ своему жизнодавцу, чтобы созрѣть, произвести новыя сѣмена благосостоянія, разростися, и снова разцвѣсть въ большемъ изобиліи.

Но сколь неизслѣдимы судьбы Неба! И какъ часто напоминается намъ та истина, что жизнь человѣка есть только испытаніе! Предвѣчный оставляя намъ волю, Самъ какъ бы отрекается отъ власти стѣснять свободу смертныхъ; пускаетъ ихъ въ океанъ страстей безъ вожатаго; какъ будто испытываетъ, что можетъ человѣкъ сдѣлать самъ собою, безъ помощи внѣшней.

Два испытанія Высочайшимъ Существомъ предназначаются для человѣка: одно щастія, другое—нещастія. Выдержать оба съ достоинствомъ—вотъ въ чемъ состоитъ совершенство добродѣтели.

Было и есть много мужей доблестныхъ, которые съ бодростію переносятъ нещастія; чаяніе лучшаго быту, упованіе на Промыслъ, ожиданіе возмездій за страданіе безвинное укрѣпляютъ душу, вознося ее даже до обиталищь небожителей; но умѣть перенести щастіе, не ослѣпляться столь сильнымъ очарованіемъ ума человѣческаго, отвращаться

отъ обольстительныхъ призраковъ, уже на вершинѣ могущества прочнаго, купленнаго побѣдами, среди тріумфовъ, среди кликовъ безсмертной славы умѣть быть смертнымъ, сохранить умѣренность— вотъ гдѣ торжество добродѣтели, и вотъ неоспоримое право на славу истинную! Она и принадлежитъ Александру.

Въ свѣжей еще памяти событія того времени, въ которое мы подвигами своими заставили предубѣжденныхъ возымѣть объ насъ другія мысли. Когда дѣло шло о возстановленіи любезнаго Отечества, не было жертвы, которую почли бы мы за излишнюю; мы не щадили жизни своей, крови, имущества, достигли усиліями своими до того, что намъ возвращена честь бытія народнаго, хотя подъ чужимъ наименованіемъ. Промыслу, судьбами Царствъ управляющему, угодно было подкрѣпить народную доблесть нашу. Но пала мощь, распоряжавшая силами нашими—и Полякъ, истощенный жертвами, бѣдствіями, съ трепетомъ предусматривалъ будущую свою горесть! Такъ, уже невольно было бы намъ вспомнить имя любезнаго Отечества; уже не наслаждались бы мы народными правами и свобо-

дою; долженствовали бы повиноваться произвольнымъ велѣніямъ чужеземцовъ; принуждены бы говорить чуждымъ для насъ нарѣчіемъ; болѣе не видѣли бы войска народнаго, облекающагося мужествомъ и порядкомъ, еслибъ не Александръ предводительствовалъ въ семъ чрезвычайномъ движеніи Европы.

Не чувствуя въ себѣ довольно способностей, чтобы достойно изложить доблести и дѣянія Александра, предоставляю исполнить сіе устамъ краснорѣчивымъ. Александръ принадлежитъ всему свѣту; свѣтъ, Исторія и потомство оцѣнятъ Его подвиги.

Видѣла Европа, какъ поступилъ Онъ съ нами въ кровавой борбѣ военной; въ пылу сраженій Онъ защитилъ насъ попечительствомъ великодушнымъ; остатки храбраго воинства нашего возвратилъ семействамъ и отчизнѣ; воскресилъ дражайшее имя и бытъ народа, принявъ титулъ Царя и Корону нашу; возстановилъ прежнее достоинство націи, наконецъ даровалъ намъ Уставъ достойный народа, занимающаго почетную степень въ бытописаніяхъ Европы, и увѣковѣчилъ славу Своего имяни.

Отразивъ многочисленныя войска вражескія, Онъ протекъ чрезъ нашу землю, изсохшую отъ сильныхъ напряженій умирающей надежды. Самъ благородный душею, Самъ пламенный любитель собственнаго Отечества, Онъ умѣлъ оцѣнить жаръ въ сердцахъ Польскихъ. Не помня того, въ чьихъ рядахъ и противъ кого мы подвизались, Онъ въ великой душѣ Своей взвѣшивалъ единственно святую цѣль усилій нашихъ, и вѣсы въ рукѣ Справедливаго склонялись въ нашу пользу. Предсѣдя въ достопамятномъ Собраніи Государей Европы, Онъ успѣлъ преодолѣть всѣ трудности, и возвратилъ намъ Отечество.

Когда разставался Онъ послѣдній разъ съ нами, на свѣтломъ лицѣ Его ясно изобразилось нѣжное чувство любви отца къ своимъ дѣтямъ.

Ахъ! Почто радость наша была столь не продолжительна? Почто не дожилъ Онъ до той минуты, въ которой доказала бы наша безпредѣльная благодарность, что мы достойны отеческаго Его сердца, что мы готовы нести въ дань Ему все — и щастіе наше, даръ Его великодушія, и самую жизнь нашу?

Онъ разстался съ нами—и безвозвратно! Оставилъ обитель смертныхъ! Но Онъ возродился въ Наслѣдникѣ своихъ Престоловъ, Который пріемля осиротѣвшій скипетръ въ десницу, изрекъ достопамятный обѣтъ, что *Его царствованіе будетъ токмо продолженіемъ царствованія АЛЕКСАНДРА.* Августѣйшій Преемникъ Его въ первые дни Своего царствованія подтвердилъ права, дарованныя намъ великодушнымъ воскресителемъ.

Вознесемъ къ престолу Вышняго теплыя молитвы о ниспосланіи благодати своей на тѣхъ, кои оживляютъ въ насъ чувства столь драгоцѣнныя.

МЫСЛИ ПАТРІОТА

ПРИ ГРОБѢ

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Никакое перо не можетъ изобразить того умилительнаго благоговѣнія, съ какимъ всѣ сословія народа спѣшатъ на встрѣчу гроба, заключающаго въ себѣ священный прахъ возлюбленнѣйшаго МОНАРХА, Котораго память пребудетъ во вѣки благословенною. Трогательное усердіе и благочестіе Рускаго народа въ семъ печальномъ шествіи являются въ лучшемъ своемъ видѣ. Не одно Дворянство, но и бѣдные поселяне, оставивъ домашнія заботы, спѣшатъ на большую дорогу, гдѣ не только въ селеніяхъ, но даже въ большихъ городахъ недоставало мѣста для вмѣщенія вѣрныхъ подданныхъ, пришедшихъ въ послѣдній разъ поклониться и на вѣки проститься съ Отцемъ своимъ. Печальное шествіе отъ Таганрога до С. Петербурга представляетъ нѣчто необычайное, чрезмѣрно прискорбное; повсюду,

куда ни обратимся, видимъ слезы; рыданія смѣшиваются съ умиленнымъ пѣніемъ духовнымъ, тихіе вздохи печали съ унылыми звуками военной музыки; всѣ лица блѣдны; всѣ, какъ преогорченныя дѣти, плачутъ при гробѣ своего родителя; и на дорогѣ, и въ храмахъ Божіихъ, безчисленныя толпы окружали Его, и стоятъ, наблюдая благоговѣйное молчаніе. Какая мгновенная неожиданная перемѣна! Давно ли съ радостными кликами спѣшили мы на встрѣчу доброму Царю? Давно ли, подобно благотворному солнцу, протекалъ Онъ отъ края въ край обширную Свою Имперію? Давно ли цвѣтущее Его здравіе обѣщало намъ продолжительное щастіе?— И Его не стало! Не стало АЛЕКСАНДРА! Незабвенныя слова: *Нашъ Ангелъ на небесахъ*, переходя изъ устъ въ уста, содѣлались истолкователями общей горести.

Кто, какъ не великій человѣкъ, могъ заслужить такую неограниченную преданность? Кто, какъ не добродѣтельнѣйшій изъ Царей, могъ заслужить такую любовь, не только отъ подданныхъ Своихъ, но и отъ Государей и народовъ иноземныхъ? Не мы одни лишились въ немъ Царя благаго. Все

человѣчество утратило въ Немъ Монарха могущественнаго, сильнаго поборника правды, Героя, славою побѣдъ и безкорыстіемъ отличнаго въ Исторіи.

Въ теченіи послѣдняго столѣтія, считая отъ царствованія Петра Великаго до возшествія на Престолъ Александра Благословеннаго, Россія взошла на степень величія, какой ни одна Держава въ мірѣ не достигла. Но всѣ прошедшія событія не могутъ сравниться съ тѣми подвигами, коимъ мы были свидѣтели и очевидцы. По всей справедливости мы можемъ сказать, что въ царствованіи Великаго Александра заключенъ лучшій и блистательнѣйшій періодъ нашей славы, нашего политическаго могущества, нашей нравственной силы, посредствомъ коихъ мы слились въ одно семейство съ просвѣщенными народами, снискали ихъ уваженіе и заслужили благодарность ихъ властителей.

Въ Александрѣ все было благость и любовь: изъ тѣснаго сочетанія оныхъ проистекла душевная Его сила, и благость Его была безпредѣльна, какъ могущество огромно и непреодилимо. Какъ Ангелъ мира, Онъ не искалъ славы побѣдъ, хотѣлъ только

бышь благодѣтелемъ своихъ подданныхъ и другомъ человѣчества. Провидѣніе послало Ему въ соперники человѣка, изъ низшаго званія возшедшаго на высочайшую степень земнаго величія. Сей Геній войны, по справедливости великій полководецъ, недовольный одною изъ блистательнѣйшихъ коронъ, дерзнулъ ниспровергнуть троны древнихъ Монархій и думалъ преобразовать весь міръ. АЛЕКСАНДРЪ, за чуждыя оскорбленія, пріялъ оружіе, обрекъ Себя трудамъ и неисчислимымъ пожертвованіямъ. Какая высокая цѣль! Какой урокъ для Монарховъ! Настала борба великая, борба двухъ исполиновъ, властителей добра и зла; и кроткій нашъ Давидъ, вѣрующій въ Бога, побѣдилъ Голіаѳа, который ничему не вѣрилъ, кромѣ своего щастія. Кумиръ войны тщетно старался соблазнить Ангела мира богатствомъ добычь и славою побѣдъ: — безъ всякой политической причины, не имѣя никакого повода къ личной противу Него непріязни, напалъ и сокрушился о Его могущество. Смиренный Побѣдитель грознаго завоевателя, освободивъ Европу и пришедъ въ Парижъ, — явился тамъ существомъ, такъ сказать, болѣе небеснымъ, нежели земнымъ. Тамъ Онъ за-

платилъ Французамъ добромъ за зло; избавилъ ихъ отъ безчувственнаго деспота, далъ имъ законнаго Короля, возвратилъ изгнаннымъ Монархамъ утраченныя владѣнія, друзей и враговъ безъ различія возстановилъ въ прежнее положеніе, хаосъ обратилъ въ порядокъ, и вручилъ народамъ залогъ ихъ благосостоянія—миръ и тишину.

По возстановленіи общаго мира, ГОСУДАРЬ, одаренный всѣми достоинствами и добродѣтелями великаго человѣка, кроткій, добродушный, прибѣжный къ Богу, исполненный Христіанскаго смиренія какъ инокъ, и мужественный какъ Герой, стремился неуклонно къ одной цѣли: сохранить въ Европѣ спокойствіе, и —достигъ сего, заслуживъ двоякій титулъ: и побѣдителя и миротворца, и друга Царей и благодѣтеля народовъ. Предсѣдательствуя въ сонмѣ Царей, Онъ никого не оскорбилъ несправедливостію, ниже не воспользовался чуждыми бѣдствіями и ослабленіемъ силъ своихъ сосѣдей. Онъ Царь правды, любитель мира и порядка.

Самая смерть Его для насъ поучительна. Въ теченіе славнаго Своего Царствованія Онъ постоянно уклонялся отъ нашей благодарности, и даже не принялъ титла:

Благословенный. Богу угодно было прекратить дни Его на краю Имперіи, дабы въ шествіи Его къ вѣчному успокоенію, къ могилѣ предковъ Своихъ, доставить намъ послѣднее сладостное утѣшеніе поклониться священному Его праху, и нелестною признательностію почтить память Его.

Обратите, любезные соотечественники, умственный взоръ вашъ на наши бытописанія! Вспомните, что съ того только времени постепенно начало возрастать наше могущество, какъ утвердилась у насъ власть Самодержавная; вспомните, что въ послѣднія сто лѣтъ, единственно силѣ и твердости нашего правленія обязаны мы всѣмъ нашимъ благосостояніемъ. Одно только Единодержавіе могло доставить Россіи то почетное мѣсто, которое она нынѣ занимаетъ между просвѣщенными народами. Обратите особенное вниманіе ваше на послѣднее царствованіе: кто не согласится, что посредствомъ только нашей любви, послушанія и совершенной преданности, Александръ, свыше благословенный, побѣдилъ непобѣдимаго Наполеона, и тяжкія времена, година испытанія, протекли какъ ужасное сновидѣніе, оставивъ намъ слабыя

воспоминанія, коимъ будутъ удивляться и не вѣрить наши потомки.

Александръ окончилъ земное свое поприще; но Цари Русскіе не умираютъ: они будутъ править нами, пока драгоцѣнно намъ будетъ наше Отечество и наша слава. Въ Братѣ Его, Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ мы уже видимъ тѣ же добродѣтели, тѣ же высокія чувствованія, ведущія Царей къ безсмертію, народъ къ блаженству. Окружимъ же Престолъ Его нашею любовію, будемъ послушными дѣтьми, и съ покорностію станемъ ожидать отъ младаго Монарха продолженія нашего благополучія и умноженія славы.

В. Б.

ОТРЫВКИ

из сочинения Президента Академии наукъ, Тайнаго Совѣтника С. С. Уварова,

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА.

Когда Титъ, утѣха рода человѣческаго, низшелъ во гробъ, краткость его царствованія приписывали щастію, ему сопутствовавшему. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ превзошелъ его въ благополучіи: по двадцати пяти лѣтнемъ царствованіи Онъ похищенъ отъ насъ въ полнотѣ силы и Генія, во всемъ блескѣ своего могущества, и унесъ съ собою во гробъ любовь своихъ народовъ столь же пламенною, столь же искреннею, какъ была она въ первый день Его царствованія. По прошествіи цѣлой четверти столѣтія, преждевременная кончина Его есть бѣдствіе всеобщее и частное нещастіе каждаго семейства. Въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія Онъ, подобно Нервѣ, сочетавалъ то, чего прежде, казалось, нельзя было согласить — могущество МОНАРХА и свободу народа.

Полный жизни, цвѣтущій здоровьемъ, АЛЕКСАНДРЪ исполнялъ насъ надежды, въ которой, увы! мы нынѣ жестоко обмануты. Кончина Его есть одно изъ тѣхъ событій, въ возможности коихъ мы еще сомнѣвались. Мы думали, что безсмертіе Его царствованія должно простираться и на обожаемую главу Его; никто не замѣчалъ и малѣйшаго умаленія въ тѣлесныхъ силахъ ИМПЕРАТОРА, а нравственныя силы Его соотвѣтствовали высотѣ Его Трона. Казалось, Онъ не былъ подверженъ общимъ законамъ природы: ни труды военные, ни заботы Государственныя, ничто Его не утомляло: чело Его всегда сіяло вѣчною юностію. Въ Немъ видѣли мы Генія—хранителя Имперіи, облеченнаго въ образъ человѣческій; пятдесять милліоновъ людей молили Ему благословенія Неба, съ котораго, казалось, низшелъ Онъ къ намъ. Мы почитали Его неуязвимымъ.

И Его нѣтъ уже! . . . Нѣтъ Отца многочисленнаго семейства, Главы, Верховнаго Правителя Царства! Ударъ неожиданный поразилъ Его на границѣ Имперіи, тогда, какъ мы надѣялись вскорѣ зрѣть Его посреди насъ. . . . . Лишь только разнеслась ужасная вѣсть сія, вся Имперія облеклась

въ одежду сѣтованія; наступилъ, казалось, одинъ изъ тѣхъ злощастныхъ дней, въ которые Римляне облекали покровами изваянія боговъ своихъ.

Двадцать пять лѣтъ царствованія АЛЕКСАНДРОВА заключаютъ въ себѣ одну изъ достопамятнѣйшихъ эпохъ всемірныхъ лѣтописей. Въ дно время съ Нимъ возвышался на другомъ краю Европы человѣкъ необыкновенный, который скоро сдѣлался распорядителемъ судебъ ея. Сношенія его съ АЛЕКСАНДРОМЪ составляютъ отличительную черту сей эпохи, въ торжествѣ и въ несчастіи, въ союзѣ и раздѣленіи, въ дружбѣ и враждѣ. Они управляли міромъ, и въ исполинской борбѣ, окончившей долгую ихъ распрю, великость происшествій соотвѣтствовала великости противниковъ. Паденіе Наполеона было началомъ новой политики въ Европѣ — политики, которой ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ былъ творцемъ и душею — политики, почерпнутой изъ возвышеннѣйшихъ чувствованій и правилъ нравственности, и владычествовавшей безъ усилія надъ личными выгодами и современными страстями.

Двѣ эпохи въ жизни Императора Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе Его съ существованіемъ народа, и утвердили многочисленныя связи, ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 году. Другія Его дѣянія займутъ, можетъ быть, и болѣе мѣста въ лѣтописяхъ Исторіи: эти принадлежатъ исключительно намъ. Въ другія времена Александръ былъ Героемъ и миротворцемъ Европы: но посреди пламени 1812 и волнъ 1824, Онъ былъ Героемъ своего Отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ; произшествія необыкновенныя позволили Ему отвергнуть пышность наружную, которая часто скрываетъ лучшихъ Государей отъ глазъ лучшихъ народовъ: чистая, прекрасная душа Его тогда явилась намъ безъ покрова; союзъ сострастія соединилъ тогда Государя и подданныхъ, отца и дѣтей Его. Мы видѣли, какъ Онъ, благосердый къ несчастію, спокойный при видѣ бѣдствія Москвы, готовый перенести все, кромѣ постыднаго мира, сокрушался только о бѣдствіяхъ народа, и посреди ихъ забывалъ самаго себя. Какъ великъ былъ Онъ тогда,

какъ приявъ грозный мечь свой, Онъ поднялъ знамя свободы Европейской въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Европа готовилась совершить нашу гибель. Политическая жизнь ИМПЕРАТОРА принадлежитъ Исторіи, которая заботится болѣе о дѣяніяхъ блестящихъ, нежели о дѣлахъ семейственныхъ; но она не изобразитъ намъ дѣятельной, усердной, великодушной попечительности, оказанной ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ, когда некротимыя волны затопляли ЕГО Столицу. Съ какимъ постоянствомъ, съ какою нѣжностію благодѣянія Его отыскивали нещастныхъ! Съ какою разборчивостію посылалъ Онъ насъ къ нимъ на помощь! Какъ Онъ о всемъ освѣдомлялся! Какъ чудесно высокое Его разумѣніе, созданное для управленія міромъ, входило во всѣ подробности благотворенія! И какія благословенія раздавались со всѣхъ сторонъ, какую благодарность, какое удивленіе ощущала жертва наводненія при видѣ ИМПЕРАТОРА! Мы слышали вблизи сладостное созвучіе сердецъ; мы видѣли изображеніе АЛЕКСАНДРА, украшающее бѣдныя хижины, въ которыя разносили мы Его благодѣянія; мы слышали, какъ нещастный, возвращенный къ жизни, благословлялъ великодушнаго Мо-

нарха; мы видѣли его проливающаго слезы при взглядѣ на пособіе неожиданное и всегда превосходившее его потери. Подобныя картины никогда не изглаждаются; онѣ достояніе народа и вѣчно будутъ жить въ его памяти. Какъ тщетны, какъ суетны похвалы Исторіи предъ гимномъ несчастливцевъ!... Ахъ! Изъ горняго жилища, гдѣ покоится великая душа Его, освободясь отъ бремени существованія, АЛЕКСАНДРЪ конечно слышитъ голосъ бѣднаго, Имъ облагодѣтельствованнаго, и умилительная слава добраго человѣка превышаетъ, можетъ быть, въ глазахъ Его огромную славу Монарха!..

Съ важными качествами ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ соединялъ пріятнѣйшіе дары природы. Прекрасныя, благородныя черты, улыбка, взглядъ кроткій и проницательный, станъ мужественный и высокій, необыкновенная прелесть, разлитая по всей Его особѣ, дѣлали Его прекраснѣйшимъ мущиною въ Государствѣ, и, можетъ быть, совершеннѣйшимъ человѣкомъ Его времени. Посреди своего Двора, или передъ войскомъ, тогда, какъ говорилъ у воротъ Парижа къ Депутатамъ города, или тогда, какъ одинъ прогуливался въ саду

Царскосельскомъ,—всегда, вездѣ былъ Онъ владыкою міра.

Искусный въ управленіи людьми, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова, способностію всегда находить точное выраженіе тонкимъ чувствованіямъ приличій; ничто не могло противиться очаровательности Его обхожденія; Онъ былъ ласковъ безъ излишества, важенъ безъ принужденности, кротокъ безъ слабости; Онъ имѣлъ неограниченную власть надъ умами.

Ненавидя пышность и суетное представленіе, ИМПЕРАТОРЪ выходилъ иногда изъ уединенія, на которое обрекали Его и важныя занятія, и природная склонность, и предавался удовольствіямъ домашняго общества, особенно въ первой половинѣ своего Царствованія. Въ это время Онъ часто появлялся въ придворныхъ собраніяхъ. Кто изъ насъ не помнитъ, какъ Онъ, блистающій юностію и красотою, являлся съ образцемъ вѣжливости и любезности? Съ рыцарскою прелестію Франциска I-го, Онъ соединялъ величественную прелесть Людовика XIV. Никто не умѣлъ обходиться съ женщинами съ такою тонкою учтивостію; никто не умѣлъ такъ хорошо говорить съ ними.

Если бы позволено было хвалить въ Государѣ личное мужество, то можно бъ было сказать, что Императоръ Александръ былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ людей своего времени. Презрѣніе опасности, сопровождавшее Его во всю жизнь, было, можетъ быть, причиною Его кончины. Полагаясь на крѣпость Своего сложенія, Онъ не обратилъ вниманія на Крымскую лихорадку, болѣзнь коварную, отъ которой не могли спасти Его средства, слишкомъ поздно принятыя. Здѣсь да остановится мысль наша, и бѣдствіе, столь ужасное, не можетъ постигнуть цѣлаго народа безъ особенной на то воли Провидѣнія: признаемъ сію истину, и будемъ благоговѣть предъ Десницею, насъ поразившею! . . . .

Императоръ встрѣтилъ смерть на одрѣ страданія, съ челомъ столь же яснымъ, какъ встрѣчалъ ее въ дни битвъ. То былъ Герой 1812 и 1814 годовъ; только поле сраженія измѣнилось. Чистая, великая душа Его, отрѣшась съ симъ послѣднимъ бореніемъ отъ земныхъ связей, вѣрно ощущала уже радость собирателя жатвы, который идетъ получить мзду за долгій день работы. Великій человѣкъ, котораго мы оплакиваемъ, конечно чувствовалъ, что былъ двадцать

пять лѣтъ любовію половины свѣта и удивленіемъ другой. Естьли къ благородному свидѣтельству всеобщаго сознанія нужно прибавить свидѣтельства, которыя, быть можетъ, важны на краю гроба: то въ пользу ИМПЕРАТОРА были и голосъ вдовы, и благословенія сироты, и стонъ нищаго, и воспоминанія о чашѣ воды, которую Онъ часто подавалъ ему во имя Того, Кто къ себѣ призывалъ Его!...

Время, протекшее отъ кончины ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА — время столь краткое, но обильное произшествіями достопамятными, ясно намъ то доказываетъ. Мы видѣли, какъ два Князя, наслѣдовавшіе благородное Его безкорыстіе, по великодушнѣйшимъ побужденіямъ отвергли права самыя неоспоримыя — оба тѣмъ болѣе достойные Трона, что оба отъ него отрекаются: споръ великій, въ которомъ духъ АЛЕКСАНДРА былъ посредникомъ. Мы видѣли, какъ сіе рѣдкое, трогательное зрѣлище было возмущено злодѣяніями нѣсколькихъ мятежниковъ, безумцовъ, которые, безъ уваженія къ священнѣйшимъ пользамъ своего Отечества, намѣревались разодрать его нѣдра, и обманомъ и убійствомъ предвѣщали уже судьбу, которую ихъ изступле-

ніе ему готовило! Безъ сомнѣнія Провидѣнію угодно было избавить ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА отъ зрѣлища сего преступнаго заблужденія; кажется, что сила Его великаго имени была одна власть, которой могущество мятежники еще признавали. Они конечно страшились, что воззваніе АЛЕКСАНДРА къ своему народу будетъ для нихъ гласомъ Ахиллеса, когда онъ вдругъ явился на корабляхъ Греческихъ, и одна великая тѣнь его посѣяла разстройство въ рядахъ непріятелей. Возмутители ожидали, чтобы мощная десница, державшая бразды правленія, охладѣла, и дѣйствія безсильнаго ихъ неистовства уничтожились между гробомъ АЛЕКСАНДРА и Трономъ Его Наслѣдника.

Да будутъ сіи краткія мгновенія страха и печали заглажены долгими днями тишины и согласія! Да утвердитъ твореніе АЛЕКСАНДРА юный и мудрый Монархъ, Братъ и избранный Имъ Преемникъ Его, къ которому стремятся желанія, на коего возложена надежда пятидесяти милліоновъ людей, и да обезсмертитъ Онъ имя Свое счастіемъ Своихъ народовъ! Да соберутся вокругъ Его Трона всѣ, которые, чувствуя свои обязанности, готовы пролить

кровь свою за Него, за Его дѣло—дѣло ихъ собственное, дѣло справедливости, порядка, человѣчества! Да процвѣтутъ въ Россіи, покровительствуемой Правленіемъ отеческимъ и Законами мудрыми, съ твердостію исполняемыми, всѣ источники народнаго благоденствія, и да возможетъ сказать иноземецъ, ее посѣтившій: *се людіи премудріи и умѣтельны, языкъ великій сей* (Второзак. гл. IV. ст. 6.)

СТИХОТВОРЕНІЯ

НА КОНЧИНУ

АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО (*).

Закатилось солнце красное,
Согрѣвавшее святую Русь;
Закатился свѣтлый мѣсяцъ нашъ,
Освѣщавшій поднебесную:
Насъ оставилъ Православный Царь,
Насъ покинулъ Государь — Отецъ!
Не за рѣки и не за моря
Улетѣлъ отъ насъ ясенъ соколъ;
Не враговъ карать Отечества,
Не друзей искать Отечеству:
Улетѣлъ — въ страну небесную!

О закатѣ солнца краснаго,
О закатѣ свѣтла мѣсяца,
Объ отлетѣ ясна сокола
Извѣщенная святая Русь
Свѣта Божія невзвидѣла:
Роковая вѣсть, ужасная
Оковала души Русскія:
Опустились руки храбрыя,
Подкосились ноги быстрыя, —
Всѣ сердца у Русскихъ замерли.

(*) См. Жизнь ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, Ч. III.

Мы не ждали, мы не думали,
Чтобъ на насъ такъ небо грянуло:
Мы горѣли упованіемъ,
Что во славѣ и красѣ своей
Скоро съ Юга на край Сѣвера
Обратитъ свое теченіе
Наше солнце ненаглядное!
Мы готовили вѣнки Ему;
Мы хотѣли славить гимнами
АЛЕКСАНДРА несравненнаго!

Государь! Отецъ Отечества!
Ты за что на насъ прогнѣвался?
Государь нашъ—солнце красное!
Что ты скоро закатилося?
Или думалъ, что любви Твоей
Больше мы уже не стоили?
Или думалъ, что къ лучамъ Твоимъ
Наши души стали холодны?
Но и варвары къ любви Твоей,
И злодѣи къ Твоей благости
Были нѣжны и чувствительны!
За Тебя и непріятели,
И друзья, и вся вселенная,
Всѣ—любили насъ и славили!

Нѣтъ, не Ты на насъ прогнѣвался!
Вѣрно Бога мы прогнѣвали,
Что лишилъ насъ солнца краснаго,
Взявъ Тебя въ страну небесную?
Вѣрно мы Тебя не стоили,
Что, предавшись нѣгѣ, роскоши,
Позабыли вѣру Праотцевъ?
Ты одинъ стоялъ недремленно

На Господней стражѣ день и ночь;
И сложивъ вѣнецъ съ порфирою,
Ты одинъ за насъ заботился!
Ты одинъ и въ лѣтни жарки дни,
И въ осенніе, и зимніе
Обтекалъ свою любезну Русь,
Будто солнце поднебесную!
Ты одинъ лишь не жалѣлъ себя
Для покоя, счастья нашего!

Можно ль было намъ предчувствовать,
Что внезапно Ты покинешь насъ?
Не пустили бъ мы изъ глазъ Тебя;
Окружили бы мы домъ Царевъ,
И стѣною — не гранитною,
Но изъ насъ самихъ сложенною —
Заградили бъ Твое шествіе,
Вмѣсто хлѣба стали пепелъ ѣсть,
Со слезами стали бъ воду пить,
И молитвами сердечными
О Твоемъ безцѣнномъ здравіи
Оглушили бы небесный сводъ.

Но—Ты вѣрно самъ предчувствовалъ!
Оставляя Градъ Великаго,
Посѣтилъ Ты въ нощь глубокую
Гробъ Святаго сопменнаго,
Александра Князя Невскаго;
Ты принесъ Ему въ послѣдній разъ
Ѳиміамъ и жертву чистую!
Государь! Отецъ Отечества!
Если Бога мы прогнѣвали:
То уже ли и божественныхъ
Нашихъ Матерей Отечества
Небомъ всѣ обѣты презрѣны?

Не ужель и Ихъ чистѣйшихъ душъ
Всѣ моленія отвержены
Предъ Престоломъ Всемогущаго?
Но судьбы Его невѣдомы!

Духъ блаженный, небожительный!
Не забудь свою любезну Русь!
Славы силою небесною
Осѣняй Престолъ Державнаго,
НИКОЛАЯ Всероссійскаго!
Ниспосли съ высотъ превыспреннихъ
Миръ, отраду, утѣшеніе
Сиротѣ Твоей божественной,
И Твоей вѣнчанной Матери!
Прилети къ Нимъ въ сновидѣніи,
И съ улыбкой тихой, райскою,
Съ лучезарнымъ ликомъ Ангельскимъ,
Попроси Ихъ, чтобъ утѣшились,
И свое безцѣнно здравіе
Сохранили для Отечества!

Мы же, Твой для насъ священный прахъ
Предавая гробу хладному,
Общей матери — сырой землѣ,
Оживимъ Тебя въ сердцахъ своихъ:
Не забудемъ ввѣкъ Великаго,
Миротворца, утѣшителя,
Славу и красу Царей —
АЛЕКСАНДРА благодатнаго,
Титломъ и дѣлами Перваго.

Ты же, солнце наше новое,
НИКОЛАЙ, намъ Богомъ данный Царь!
Будь Ты нашимъ утѣшителемъ,

Нашимъ Ангеломъ — хранителемъ!
Мы во хладѣ горя замерли:
Обогрѣй насъ, солнце новое!
Оживи насъ, солнце красное!

Знаемъ, что и Ты не радостенъ:
Свѣтлый ликъ Твой омраченъ тоской
Отъ потери невозвратныя
Друга, Брата, благодѣтеля;
Знаемъ, что Тебя не радуютъ
Ни Корона, ни Престолъ, ни Скиптръ
Въ свѣтѣ первыя Имперіи:
Но воззри на слезы горькія
Сѣтующаго Отечества!
Будь его красой, утѣхою!
Та же кровь въ Тебѣ священная,
Тотъ же духъ любви и благости,
Коимъ нѣкогда плѣнялися
Въ АЛЕКСАНДРѢ Россы славные,
Нынѣ — лишь Тобой щастливые!

П. Вѣтринскій.

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

Гдѣ Царь, гдѣ сынъ, супругъ,
Нещастныхъ щитъ и другъ,
Могучій Князь и Христіанинъ,
Герой, въ порфирѣ Россіянинъ? —
Гдѣ Ты, о Рыцарь нашихъ лѣтъ?
Явись! — Твой видъ насъ оживляетъ:
Краса души въ Тебѣ сіяетъ,
А честь Твоя, какъ свѣтъ,
На доблестномъ челѣ блистаетъ.
Глядишь — душа въ Твоихъ очахъ;
Речешь — душа въ Твоихъ словахъ.
Братъ ратникамъ и вождь любимый;
Посредникъ праведный, на тронѣ человѣкъ,
Гряди въ Москву! Ея ты столпъ и сила.

Она Европѣ возгласила,
Что вѣкъ Твой, Россамъ славы вѣкъ!
Гдѣ Ты, Отечества сынъ милый?
Гдѣ Ты? . . . но съ Юга звукъ унылый
До насъ дошелъ . . . ужъ нѣтъ Его!
Несетъ народъ Монарха своего,
Несетъ . . . куда? — въ гробницу . . .
О Боже! . . . но уставъ закона Твоего
Велитъ хвалить разящую десницу . . . .
Онъ тамъ, гдѣ времени конецъ,
Гдѣ злобѣ бурь мірскихъ предвѣчная препона.
Ничто Ему здѣсь бренная Корона!
Безсмертному — безсмертный и вѣнецъ!

Кн. Зинаида Волконская.

НА КОНЧИНУ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I^го.

Россія! гдѣ твой Царь, гдѣ Ангелъ твой хранитель,
Примѣръ Героямъ всѣмъ высокою душой?
Европа! гдѣ твой избавитель,
Которому гремишь безсмертною хвалой? —
О Матерь! гдѣ Твой сынъ, опора, утѣшенье?
Супруга скорбная! гдѣ нѣжный Твой супругъ? . . .
О Братья! гдѣ вашъ лучшій другъ? . . .
Во гробѣ Онъ! . . . Судьбы опредѣленье,
Чтобъ АЛЕКСАНДРЪ, Отечества Отецъ,
Сложивъ земной, пріялъ на небесахъ вѣнецъ! . . .
Давно ль, цвѣтущихъ лѣтъ съ здоровьемъ неизмѣннымъ,
Онъ страждущихъ рукой Державной подкрѣплялъ,
И каждый подданный предъ алтаремъ священнымъ
Свою судьбу благословлялъ?
Такъ солнце Русское на вѣки закатилось,
Оставя намъ свой благодатный слѣдъ,
Что НИКОЛАЙ на Тронъ Романовыхъ взойдетъ!

А. Про. . . .

ЭЛЕГІЯ

НА КОНЧИНУ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго.

Не стало Генія вселенной,
Державшаго въ рукѣ своей,
Самимъ Творцемъ благословенной,
Судьбу народовъ и Царей!
И содрогнулася вселенна,
Событьемъ страшнымъ пораженна:
» Кто будетъ твердымъ мнѣ щитомъ
» Въ годины бѣдствій, злоключеній?»
И съ воплемъ симъ она кругомъ
Бросаетъ взоръ недоуменій:
» Уже ли АЛЕКСАНДРА нѣтъ?
» Уже ли чтимый цѣлымъ свѣтомъ,
» Владѣвшій всѣхъ любви обѣтомъ,
» Оставилъ столь внезапно свѣтъ?»

Ахъ! что же чувствуемъ мы, чада
Боготворимаго Отца?
Онъ нашихъ дней былъ жизнь, отрада,
Имъ разцвѣтали въ насъ сердца! . . .
Но покоримся Провидѣнью:
Оно награду шлетъ смиренью!

И тотъ, кто солнце засвѣтилъ,
Уже душъ нашихъ мракъ глубокій
Звѣздою яркой озарилъ. —
И духомъ помысловъ высокій,
Возсѣлъ на АЛЕКСАНДРОВЪ Тронъ
Нашъ НИКОЛАЙ, рожденный къ славѣ! —
И святъ душѣ Его законъ
Дать благоденствіе Державѣ.

А Ты, великая жена!
Принять послѣдній вздохъ Супруга
Была Ты Небомъ призвана —
И взоръ смеживъ на вѣки друга,
Царя, Владыки Своего,
Ты удалилась отъ Него,
Порфироносная Вдовица! —
Идешь въ пустыняхъ бытія! . . .
Но, несравненная Царица!
Душа небесная Твоя
Найдетъ къ отрадѣ милліоновъ,
Въ ихъ горькихъ, пламенныхъ слезахъ
И въ отголоскахъ скорби, стоновъ,
Найдетъ еще . . . . Въ какихъ словахъ
Дерзнуть печальной, грустной музѣ
Объ утѣшеніи вѣщать? . . . (*)

Ахъ! только въ общемъ душъ союзѣ
Мы можемъ къ Небу обращать
Сердца съ мольбой и упованьемъ,
Да нашу Царственную Мать
Искупимъ мы своимъ страданьемъ.

Кн. Шаликовъ.

(*) Писано до кончины ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

НА СЛУЧАЙ
ПЕЧАЛЬНАГО ШЕСТВІЯ,
СОПРОВОЖДАЮЩАГО ТѢЛО ПОКОЙНАГО
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Куда, Владыка полвселенны?
Куда, о сильный Вождь Царей?
Зрю: движешь рати ополченны;
Зрю славы спутников Твоей.

Но что! . . . Полки Твои печальны;
И въ громахъ, вѣстникахъ побѣдъ,
Отзывы стонутъ погребальны,
И въ пѣсняхъ торжества ужъ нѣтъ!

Что зрю! . . . Несутъ доспѣхъ Героя!
Се долу преклоненный мечь,
Се щитъ его, залогъ покоя,
И шлемъ, рѣшитель грозныхъ сѣчь.

Ведутъ коня : онъ томнымъ окомъ
Глядитъ на прахъ своихъ копытъ ;
Идетъ въ уныніи глубокомъ,
И гриву по песку влачитъ.

Гдѣ всадникъ, гдѣ громометатель,
Душей и тѣломъ Исполинъ,
Дружинамъ къ славѣ указатель,
Земли и рока Властелинъ?

Се Онъ простертъ на колесницѣ!
Се Тотъ, Кто честь народовъ спасъ!
Ни скиптра, ни меча въ десницѣ,
Уста безмолвны, взоръ угасъ! . . . .

Давноль уста сіи вѣщали
Небесный судъ концамъ земли,
И взоры то въ бояхъ сверкали,
То въ плѣнъ сердца къ нему влекли?

Давноль громилъ Онъ буйны царства,
Гордыню кротостью смирялъ;
И узы хитраго коварства
Единымъ словомъ разрывалъ?

Давноль примѣромъ и дѣлами
Онъ исправлялъ развратный вѣкъ,
И падшимъ предъ Его стопами
Онъ говорилъ: *я человѣкъ*!

Ты правъ, возстановитель троновъ,
Народовъ другъ, примѣръ Владыкъ,
Отецъ спасенныхъ милліоновъ!
Ты правъ: *лишь Богъ одинъ Великъ* (*).

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

(*) Во многихъ Манифестахъ, Приказахъ по арміи, и въ Указѣ на прошеніе Св. Синода, Государственнаго Совѣта и Сената, покойный Императоръ старался отклонять народъ свой отъ намѣренія назвать Его Великимъ и часто употреблялъ сіе выраженіе. Такимъ же образомъ отозвался Онъ и Англійскому Парламенту, который предлагалъ Ему названіе Великаго отъ всего человѣчества.

ЭКСПРОМТЪ

ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА БЮСТЪ

ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА Iго.

Вотъ онъ, Россіи честь и слава, даръ Небесъ,
Великій АЛЕКСАНДРЪ, полночный Геркулесъ!
Не міра древняго надменный повелитель,
Но кроткій щастія народнаго зиждитель!
Восточный Александръ Державы разрушалъ,
А Сѣверный—Царямъ престолы возвращалъ;
Восточный былъ бичемъ и ужасомъ вселенной,
А Сѣверный—щитомъ Европы, Имъ спасенной;
Къ Восточному—вражду питали Бактра, Тиръ,
А Сѣвернаго—весь благословляетъ міръ.
Гдѣ Ты, Отечества Отецъ чадолюбивый,
Премудрый, доблестный, и щедрый, и правдивый,
Возстановитель царствъ, поборникъ алтарей,
Блюститель истины, защитникъ, другъ людей?
Гдѣ Ангелъ кротости? . . . Слѣды—увы—могила! . . .
Во гробѣ плоть—душа на небо воспарила.
Но, смерть, не торжествуй! . . . Не все ты отняла:
Живутъ для насъ Царя безсмертныя дѣла.
Скорѣе лезвіе косы твоей изгложешь,
Чѣмъ ихъ изъ памяти людей изгладить можешь.

Ав. Мартыновъ.

НА КОНЧИНУ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА Iго.

Рифея кедръ, величье скалъ,
Облекшій тѣнію стремнины,
Судьбой низверженный, ты палъ!
Ты палъ — и дрогнули долины;
Низверженъ исполинъ во прахъ,
Кого и бури не сражали,
Въ чьихъ необъемлемыхъ вѣтвяхъ
Орлы пріютъ свой обрѣтали;
На комъ всѣхъ ранѣе пылалъ
Денницы лучь, и до полночи
Кто въ блескѣ запада сіялъ,
И веселя сердца и очи,
Покровъ потомству обѣщалъ.
Стенаетъ міръ — Того не стало,
Кто мощной дланію своей
Спасалъ народы и Царей:
Его сразило смерти жало,
Сразило въ цвѣтѣ славныхъ дней!
Недвижимъ, блѣденъ, бездыханный,
Уже хладъ гроба очи сжалъ
И надъ главой Его вѣнчанной
Лучь новой жизни возсіялъ.

Россія, плачь! Гдѣ благодатный,
Твой кроткій Ангелъ, лучь сердецъ?
Гдѣ скрылся ликъ Его отрадный?
Гдѣ Царь, Отечества Отецъ?
Благословенный Ангелъ мира!
Ты улетѣлъ въ страну небесъ;
Не зримъ благихъ Твоихъ очесъ,
Не грѣетъ насъ Твоя порфира,
И кроткимъ маніемъ жезла
Ты скорби тучь не разгоняешь
Съ сердецъ и нашего чела.
Но Ты невидимо летаешь,
Животворишь Твоихъ сыновъ,
Вѣщаешь: Русь не сиротѣетъ;
Противникъ мира не посмѣетъ
Возстать на край Моихъ Отцовъ;
На немъ Спасителя покровъ!

Ил. Ободовскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

ПЛАЧЬ РОССІЯНЪ НАДЪ ГРОБОМЪ

АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Какое бѣдствіе, неустрашимый Россъ,
Твой бодрый духъ смятеніемъ объяло!
Повѣдай, укажи источникъ горькихъ слёзъ,
И подыми сей тайны покрывало!
Ужель забылъ, кто тамъ, съ престольной высоты,
Твою судьбу и радость назидаетъ,
И сыплетъ на тебя веселія цвѣты?
Тамъ Александръ, твой Геній возсѣдаетъ!

Лучь милосердія горитъ въ Его очахъ.
Оливою и лавромъ осѣненный,
Съ привѣтной кротостью, съ улыбкой на устахъ,
Рѣкой щедроты льетъ Благословенный.
Вотъ двадесять пять лѣтъ въ величьѣ протекло,
Какъ Россовъ Онъ блаженство сохраняетъ,
И здравіемъ Его цвѣтущее чело
Намъ вѣкъ еще ту радость обѣщаетъ!

Готовте юбилей вы, сѣвера сыны!
Завидуютъ вселенной вамъ народы;
Блестящей славою для васъ озарены
Грядущаго блаженнѣйшіе годы.

Спѣшитежъ изъ оливъ и лавровъ плесть вѣнецъ,
И воздвигать тріумфы предъ Столицей:
Уже отъ Южныхъ странъ летитъ къ вамъ Царь-Отецъ,
Съ воскреснувшей для новыхъ благъ Царицей.

Дни свѣтлой радости за Ними въ слѣдъ. . . Но, ахъ!
Вѣсть грозная, какъ громъ, вдругъ раздается:
Осиротѣли мы! нашъ Ангелъ въ небесахъ! —
И скорби стонъ по стогнамъ вдаль несется,
И ужасъ оковалъ безтрепетны сердца,
И общій вопль Столицу оглашаетъ, —
Какъ будто нѣжнаго и добраго отца
Изъ рукъ дѣтей могила похищаетъ!

О тѣнь священная! Съ лазоревыхъ высотъ,
По копмъ Ты, какъ лебедь величавый,
Течешь къ Всевышнему Подателю щедротъ
Пріять вѣнецъ безсмертія и славы!
Склони свой тихій взоръ на насъ, Твоихъ дѣтей;
Узри сиротъ прискорбное смятенье,
И за любовь Твою, за щастье нашихъ дней,
Въ потокахъ слезъ прочти благодаренье.

Но мы ль одни Твоей кончиной сражены?
Россія ли одна въ сей часъ страдаетъ?
Ты былъ блюстителемъ всеобщей тишины,
И по Тебѣ Европа вся рыдаетъ.
Сей общій скорби гласъ есть гимнъ хвалебный Твой.
Въ послѣдній день сей вопль Тебя разбудитъ,
И на судѣ судовъ, предъ благостью святой,
Онъ за Тебя предстательствовать будетъ.

Когда цѣпями намъ грозилъ надменный Галлъ,
Ты былъ нашъ вождь, и Ангелъ нашъ хранитель,
Безтрепетно къ нему на битву Ты предсталъ —
И палъ во прахъ покоя нарушитель.
И чѣмъ же Ты врагамъ покоя отомстилъ?
Чѣмъ наказалъ ихъ замыслы коварны?—
Царя законнаго, миръ, щастье возвратилъ,
И взялъ съ нихъ въ дань — лишь слезы благодарны.

Давноль угрюмый Белтъ на пагубныхъ волнахъ
Въ Петрополь внесъ печаль и разоренье?
Съ сердечной скорбію, съ слезами на очахъ
Явился Ты, какъ Ангелъ, въ утѣшенье.
Ты далъ убогимъ кровъ, сталъ сиротамъ отцомъ,
И облегчилъ ихъ скорбь отрады силой,
И тризну соверша почившимъ сномъ,
Какъ нѣжный братъ, рыдалъ надъ ихъ могилой!

А ты, украшенный природой, Таганрогъ!
О памятникъ, прискорбью обреченный!
Въ слезахъ тоски ты взялъ послѣдній тихій вздохъ,
Съ которымъ отлетѣлъ Благословенный.
Улыбка кротости, отрадная для насъ,
Съ устъ Ангела Россіи не слетала;
И на челѣ Его въ ужасный смерти часъ,
Въ залогъ спокойствія души, сіяла.

Ты зрѣлъ въ сей часъ, въ лучахъ красуяся злашыхъ,
Какъ небеса торжественны казались,
И воспаряющей въ сонмъ Ангеловъ святыхъ
Его душѣ привѣтно улыбались.

Нева узрѣвшая на небеса полётъ
Того, чей ликъ стократно отражала,
Въ тоскѣ, въ послѣднее всплеснувъ струями водъ,
Льдовъ хладное надѣла покрывало (*).

Но на кого, о дщерь рожденная землёй,
Возносишъ Ты свой ропотъ дерзновенный?
Златое солнце Онъ на тверди голубой
Свѣтильникомъ возжегъ своей вселенной.
На горнихъ небесахъ Онъ въ славѣ возсѣдитъ
И шаръ земный подножіемъ имѣетъ;
По манію Его и міра ось дрожитъ,
И тихнетъ громъ, и время цѣпенѣетъ!

Престань, твореніе, испытывать Творца
И требовать въ путяхъ Его отчёта!
Любимый сынъ небесъ въ объятіяхъ Отца,
И непостижна намъ Его щедрота.
Россія! Твой удѣлъ— скорбь въ сердцѣ погребсти,
Благоговѣть съ покорнымъ упованьемъ,
Безъ ропота Его правдивый гнѣвъ нести,
И ждать въ смиреніи конца страданьямъ!

Но до конца ли Онъ прогнѣвался на насъ?
Нашъ Александръ, въ отчизну воспаряя,
Намъ указалъ уже отраду въ скорбный часъ
Во образѣ священномъ Николая.
И какъ за ночью въ слѣдъ румяная заря
На небо день величественный вводитъ:
Гласъ Александра Имъ избраннаго Царя
На сиротѣющій престолъ возводитъ.

(*) Рѣка Нева начала покрываться льдомъ съ 19 на 20 Ноября.

Съ примѣрной кротостью Царь мудрый скиптръ пріялъ,
И оправдалъ Великаго избранье:
Къ Престолу на пути самъ Богъ Ему послалъ
Жестокое для сердца испытанье.
Лишь гидра мятежа, хребетъ извивши свой,
Подъялася предъ образомъ Петровымъ:
Достойный Внукъ Его, поправъ ее пятой,
Явилъ себя Архистратигомъ новымъ.

Щадя враговъ своихъ и ослѣпленныхъ, Онъ
Романовыхъ явилъ всю доблесть рода,
И новой силою вооруживъ Законъ,
Онъ оградилъ спокойствіе народа.
Онъ возвратилъ собой утраченна Отца;
И мудростью сопровождая милость,
Отрадой оживилъ прискорбныя сердца
И въ радость претворилъ сыновъ унылость.

О Россы! Не прошелъ еще вашъ вѣкъ златой!
Еще хранитъ десница васъ святая:
Вашъ кроткій Александръ воскресъ своей душой
Въ величіи геройскомъ Николая.
Престанемъ слезы лить и поспѣшимъ во храмъ
Царю Царей принесть благодаренье,
И воскуритъ предъ Нимъ сердечный фиміамъ,
Да ниспошлетъ Царю благословенье!

Павелъ Терясвъ.

СТАТЬИ ИЗВЛЕЧЕННЫЯ

изъ Французскихъ Газетъ.

Изъ Монитера. Смерть Императора Александра принадлежитъ къ числу событій, возбуждающихъ глубокое чувство въ сердцахъ народовъ. Обладая одною изъ величайшихъ Имперій въ свѣтѣ, въ самую замѣчательную для Исторіи эпоху, Его правленіе и личный характеръ имѣли отличительную и, можетъ быть, безпримѣрную черту: Онъ былъ равно великъ своею умѣренностію, сколько и могуществомъ, которое не имѣло предѣловъ.

Сію умѣренность оказалъ Онъ особенно противъ Франціи въ двѣ различныя эпохи, послѣдовавшія одна за другою, въ которыя упоеніе славы и щастія, можетъ быть, извинило бы мщеніе въ душѣ, менѣе возвышенной. Но сердце Императора Александра отъ природы одарено было величіемъ; оно слѣдовало внушеніямъ человѣчества, которое дѣлало Его превыше щастія и нещастія.

Чувство потери Его едва ли может внушить нам нынѣ краснорѣчивѣйшія и справедливѣйшія выраженія, нежели сказанное о Немъ въ 1814 году въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ торжественныхъ собраній, которое Онъ удостоилъ своимъ присутствіемъ. Время и смерть рѣдко оставляютъ неизмѣнными похвалы, произнесенныя предъ ГОСУДАРЕМЪ; но въ семъ случаѣ ораторъ былъ только Историкомъ, и предупредилъ уже потомство. Мы ничего не прибавимъ къ слѣдующимъ словамъ:

» Великодушіе АЛЕКСАНДРА, сказалъ ора-
» торъ (*), напоминаетъ намъ великихъ
» мужей древности, коихъ страсть была—
» слава. Могущество и молодость Его ру-
» чаются за продолжительный миръ Европы;
» Его твердость, облагороженная лучами
» новѣйшаго просвѣщенія, кажется достой-
» ною утвердить владычество мира, возоб-
» новить и даже украсить примѣръ Монарха-
» Философа, представленный намъ Маркомъ-
» Авреліемъ, и явить на престолѣ мудрость,

(*) Рѣчь Гна Виллеменя, произнесенная имъ во Французской Академіи по случаю полученія въ 1814 году награды за похвальное слово Монтаню. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ присутствовалъ въ Академіи.

» вооруженную могуществомъ столь же ве-
» ликимъ, сколь сильны обѣты Его о благо-
» денствіи міра. »

Изъ Парижской Газеты. Европа сдѣлала важную потерю. Почтимъ память сего могущественнаго ГОСУДАРЯ, тѣмъ болѣе достойнаго сожалѣнія всѣхъ народовъ, что Онъ еще при жизни своей умѣлъ упрочить на будущее время существованіе своей миролюбивой системы.

Священны права, приобрѣтенныя АЛЕКСАНДРОМЪ I[мъ] на признательность Европы; имя Его займетъ отличное мѣсто въ ряду благотворителей человѣчества; уваженіе Россійскаго народа вознесло уже Его на такую степень, которая не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что политика Его будетъ такъ же свято сохранена, какъ и память.

Изъ Бѣлаго Знамени. Въ памяти АЛЕКСАНДРА чтимъ мы друга и благотворителя отечества нашего; справедливаго и просвѣщеннаго ГОСУДАРЯ, знавшаго нужды своего народа, и даровавшаго ему все, что было совмѣстно съ его спокойствіемъ и щастіемъ; милостиваго и умѣреннаго побѣдителя; душу цѣлаго собранія Государей,

употреблявшую великое могущество свое только для выгодъ человѣчества, которое отдохнуло, десять лѣтъ спустя послѣ долговременныхъ переворотовъ. Исторія помѣститъ имя Его на ряду съ именемъ ПЕТРА Великаго по политическимъ отношеніямъ, но гораздо выше какъ частнаго человѣка; въ сердцахъ Французовъ воздвигнутъ ему прочный памятникъ удивленія и признательности.

Изъ Французской Газеты. ПЕТРЪ Великій умеръ въ 1725 году, АЛЕКСАНДРЪ Iй въ 1825; протекло ровно столѣтіе между сими двумя событіями. Сколько происшествій, сколько чудесъ неба и ада въ семъ промежуткѣ времени! Какой исполинской шагъ сдѣлала Россія въ уваженіи Европы! Сколько она приобрѣла сей нравственной власти, которая лучше могущества, или, лучше сказать, которая сама и составляетъ могущество! Какъ долженъ былъ трепетать отъ гордости ПЕТРЪ Великій, принимая въ жилище Великихъ Царей благороднѣйшаго изъ своихъ Преемниковъ!

АЛЕКСАНДРЪ жилъ сорокъ восемь лѣтъ, царствовалъ двадцать четыре года. Половина жизни Его прошла въ размышленіи о щастіи людей, другая въ содѣланіи онаго.

АЛЕКСАНДРЪ получилъ отъ Неба все, что порабощаетъ себѣ щастіе, и все, что дѣлаетъ любезнымъ владычество. Онъ имѣлъ точной умъ, возвышенную душу, твердую волю, сердце проникнутое святою любовію къ человѣчеству; въ довершеніе всего, Онъ былъ одаренъ величественною и кроткою наружностію, и симъ очарованіемъ красоты, которое привлекаетъ сердца.

Онъ былъ предназначенъ къ великой борьбѣ. Для наказанія народовъ Провидѣніе воздвигло человѣка безъ души, но не безъ ума, который любилъ только самаго себя, ненавидѣлъ только препятствія, поставляемыя его честолюбію, и который, вознесшись изъ самаго низкаго званія на самое высокое мѣсто, чувствовалъ, что долженъ былъ сотворить новый свѣтъ, чтобы не сойти съ онаго.

Дерзость сего человѣка имѣла главнѣйшую подпору въ слѣпой вѣрѣ въ его щастіе; противникъ, котораго поставилъ ему Богъ, исполненъ былъ глубокой вѣры въ Провидѣніе. Всѣ увидѣли, изъ котораго источника истекала сила.

Изъ Французской Газеты. Смерть ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА есть весьма важное

и печальное произшествіе, хотя бы смотрѣли на нее и отдѣльно, безъ всякаго отношенія къ будущей судьбѣ Европы. Свѣтъ лишился того, кого пламенно желали мудрѣйшіе во всѣхъ народахъ—человѣка, любящаго добро, и обладающаго великимъ могуществомъ.

Онъ первый обуздалъ честолюбіе всемірнаго притѣснителя; Онъ возстановилъ въ Европѣ порядокъ на прежнихъ основаніяхъ; посреди толикихъ побужденій къ войнѣ, Онъ сохранилъ намъ глубокій миръ.

Будучи властелиномъ Государства, служащаго предѣломъ Европѣ и Азіи, Онъ понялъ, что сіе мѣсто есть мѣсто посредника.

Отъ Него зависѣло поразить послѣднимъ ударомъ устарѣвшую Оттоманскую Имперію, внезапно обезпокоенную внутреннимъ врагомъ; Онъ могъ обратить въ пользу свою произшествія, коихъ Онъ не былъ причиною; обыкновенное честолюбіе не имѣло бы недостатка въ предлогахъ: но самые благовидные предлоги не могутъ усыпить совѣсти мудраго.

Сколько слезъ будетъ пролито о сей внезапной смерти! Какія благословенія ожи-

дають въ потомкахъ нашихъ Освободителя и Возстановителя человѣчества!

Погибнетъ ли съ Нимъ благодѣтельная политика Его? Низойдутъ ли вмѣстѣ съ Нимъ во гробъ надежды добрыхъ? Вѣроятно ли, что Преемникъ могущества Его откажется отъ лучшей части наслѣдства?

Тщетно льстились бы сею надеждою враги Государей; Провидѣніе не дремлетъ! Богъ внушилъ сей неслыханный въ лѣтописяхъ образованныхъ народовъ Союзъ не для того, чтобы онъ разрушился вмѣстѣ съ своимъ основателемъ; онъ не предназначилъ столько славы одному человѣку, и наслѣдники Его, мы увѣрены въ томъ, будутъ продолжать начатое Имъ дѣло.

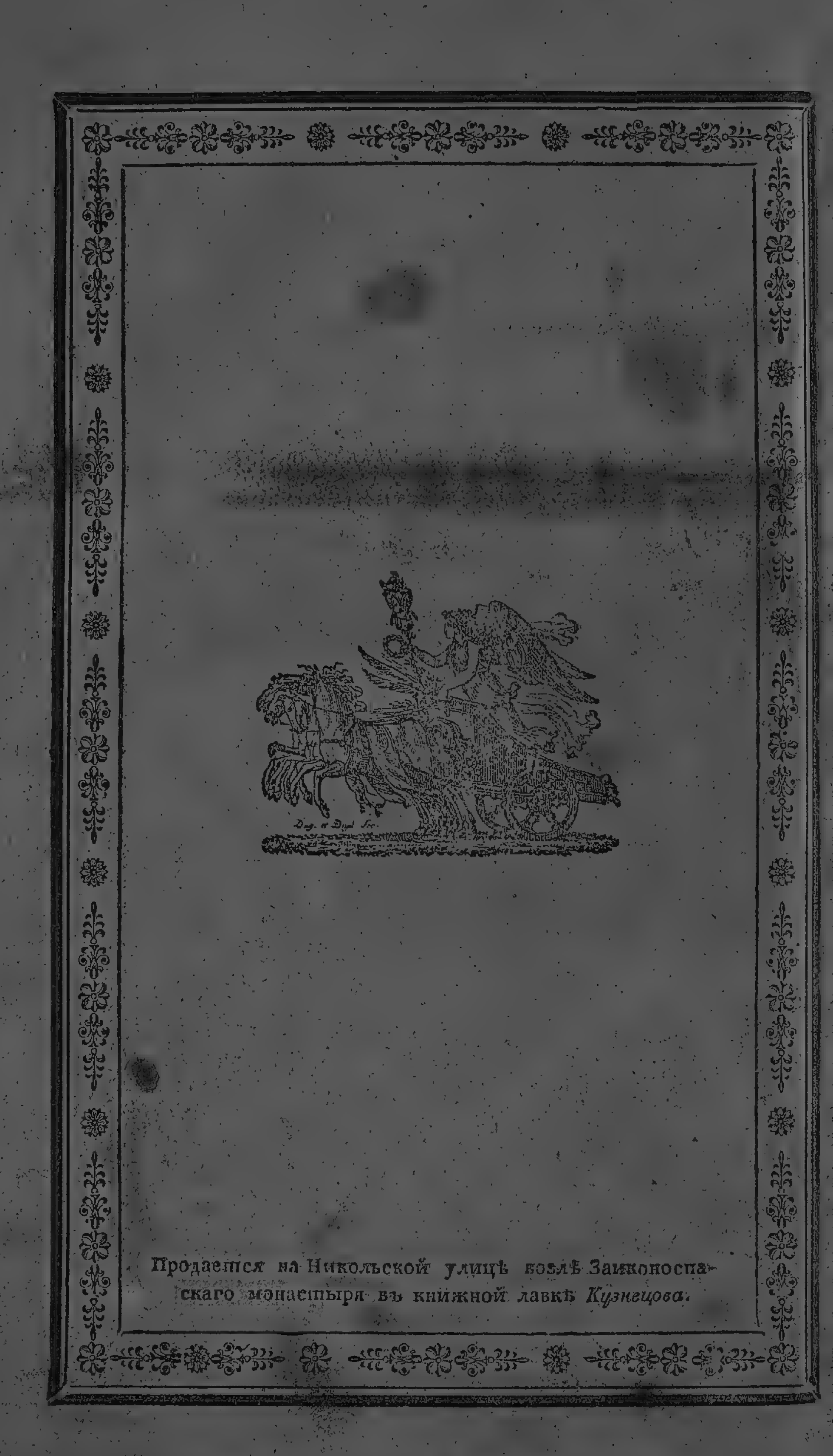
Мы не сомнѣваемся, чтобы Геній революціи не нашелъ въ сей смерти причины радоваться, что не стало одного изъ величайшихъ, страшнѣйшихъ враговъ его: но Онъ былъ смертенъ, а дѣло Бога безсмертно.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Продается на Никольской улицѣ возлѣ Заиконоспа-
скаго монастыря въ книжной лавкѣ *Кузнецова.*

